

DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-368-392

Научная статья

Стратегии перевода текстов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России

М.В. Осипова

Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера),
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
✉ ainu07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема использовавшихся стратегий перевода текстов, записанных путешественниками, исследователями и написанных профессиональными авторами на языках коренных народов Дальнего Востока Российской Федерации за последнее столетие. Необходимость рассмотрения этой проблемы вызвана ее абсолютной нерешенностью. В последнее время появляются статьи, в которых в том или ином контексте упоминаются проблемы, связанные с переводом на русский язык произведений, написанных на языках коренных малочисленных народов России. Однако в настоящее время нет работ, в которых бы освещались вопросы, связанные с тем, как и кем создавался корпус переводных текстов в прошлом и каким образом он формируется сегодня, какими способами перевода пользовались переводчики. Существующий корпус переводных текстов подразделяется на два вида: тексты, записанные и переведенные учеными, миссионерами и краеведами; тексты, созданные самодельными и профессиональными писателями и переведенные профессиональными переводчиками или писателями. Определить временные этапы создания переводных текстов, этапы создания корпуса переведенных текстов с языков коренных малочисленных народов Дальневосточного региона, определить продуктивные способы перевода, стратегии перевода — цель представленной статьи. В работе использовались сравнительно-исторический и герменевтический подходы, а также сопоставительный анализ и описательный метод.

Ключевые слова: перевод, коренные малочисленные народы Дальнего Востока, родные языки, фольклор, нарративы, литературные произведения

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26.07.2021

Дата принятия к печати: 26.09.2021

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

© Осипова М.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Осипова М.В. Стратегии перевода текстов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 368—392. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-368-392

Research Article

Strategies of the Texts Translation Published on the Languages of the Indigenous Peoples of the Russian Far East

M.V. Osipova

Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera),
3, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation
✉ ainu07@mail.ru

Abstract. Lately more and more articles are published, in which the problem of translation the works written in the native languages of the indigenous peoples of Russia are touched upon. Their authors (Yu.V. Limorenko, A.M. Kotorova, N.Ya. Bulatova etc.) emphasize the importance of such translation in popularization the cultural heritage of these peoples. However there isn't any research that highlights the questions of creation of the corpus of translated texts, what kind of methods and strategies were used by translators. It should be mentioned that that the corpus of translated texts can be divided into two types. The first type includes texts written and translated by scientists, missionaries and historians. To the second type belong texts translated by amateur and professional writers. That is why the aim of this article is to answer the question about the stages of the creating of the corpus of the translated from the native languages texts, to determine the most productive methods of translation and to find out what strategies of translation were used by the translators — whether they used their own knowledge of the native languages or interlinear translation, or processed the translation made by the author himself. To achieve this aim the comparative-historical and hermeneutic approaches are used.

Key words: translation, indigenous peoples of the Far East, native languages, folklore, narratives, literary works

Article history:

Received: 26.07.2021

Accepted: 26.09.2021

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Osipova, M.V. “Strategies of the Texts Translation Published on the Languages of the Indigenous Peoples of the Russian Far East”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 18 (4), 368—392. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-368-392

Введение

В свое время Ю.А. Сорокин назвал перевод одной из форм взаимодействия культур, которая дает представление об иной культуре, отличной от собственной [1. С. 15]. Перевод способствует не только пониманию, но и культурному взаимообогащению народов, а переводческую деятельность с полным правом можно назвать двигателем межкультурной коммуникации.

Российская Федерация — государство многонациональное, и воспитание культуры межнационального общения играет здесь ключевую роль. В этом процессе неопределимое значение приобретают фольклорные и литературные произведения, где отражены особенности менталитета, материальной и духовной культуры людей, говорящих на том или ином языке. Но прежде чем говорить о переводе текстов с языков коренных народов России, необходимо определить корпус переводных текстов тех народов, о которых будет идти речь.

Дальний Восток России — это регион, в состав которого входят Забайкалье, Республика Саха (Якутия), Хабаровский, Приморский, Хабаровский, Камчатский края, Амурская, Сахалинская, Магаданская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ. На этой обширной территории проживают представители шестнадцати национальностей из числа коренных малочисленных народов, языки которых принадлежат к разным языковым семьям. Тунгусо-маньчжурская языковая семья объединила эвенков и эвенов, нанайцев, ульчей и негидальцев, орочей и удэгейцев, уйльта/ороков и тазов. На так называемых палеоазиатских (палеосибирских) языках говорят юкагиры, коряки, чукчи, эскимосы и алеуты. К изолированной группе языков относятся нивхский, айнский и ительменский¹. На протяжении столетий дальневосточные народы оставались бесписьменными и единственной формой бытования их богатого фольклорного наследия была его передача из уст в уста. Первые и, к сожалению, единичные, зафиксированные путешественниками и исследователями тексты национальных языков в переводе на русский язык появились еще в XVIII веке. Но до сих пор не опубликовано ни одного исследования или хотя бы аналитической статьи, в которых бы рассматривался процесс их перевода, использовавшиеся стратегии и методы. Эта тема не получила осмысления в переводоведческой науке. Эта статья — попытка найти ответы на вопросы об основных этапах становления переводческого процесса национальной литературы, о том, какие тексты, кем и каким образом переводились на русский язык. Использование описательного метода и метода сопоставительного анализа в рамках сравнительно-исторического и герменевтического подходов позволят найти ответы на вышеупомянутые вопросы.

Обсуждение

Процесс письменной фиксации текстов и их переводов на русский язык в своем развитии прошел несколько этапов. Первый этап появления записанных мифов, легенд, сказаний и их переводов на русский язык датируется концом XIX — началом XX века, когда Дальний Восток России стал местом ссылки народоволь-

¹ В отношении ительменского языка мнения ученых расходятся, его относят как к палеоазиатской, так и к изолированной группе языков.

цев, выступавших против политики, проводимой царским правительством. Этот этап тесно связан с именами выдающихся отечественных исследователей северных народов В.Г. Богораза (1865—1936), В.И. Иохельсона (1855—1937), Л.Я. Штернберга (1861—1927), российско-польского исследователя Б.О. Пилсудского (1866—1918). Попад в места компактного проживания коренных народов и овладев их языками, они оставили многочисленные фольклорные записи и их переводы не только на русском, но и английском языке.

В конце XIX века начинает свою работу Общество изучения Амурского края (ОИАК). В его состав входили этнограф и писатель В.К. Арсеньев (1872—1930), педагог С.Н. Браиловский (1861—?), исследователь Сибири и Дальнего Востока Н.Л. Гондатти (1841—1946), генерал-майор С.Г. Леонтович (1862—?), этнограф И.А. Лопатин (1888—1970) и многие другие, в чьих этнографических записках имеются образцы фольклорных произведений коренных народов.

На этом этапе заметную роль в сборе и переводе текстов коренных народов и создании азбук, играли священнослужители русской православной церкви. Стоит назвать митрополита Иннокентия (И.Е. Вениаминов), о. А. и П. Протодиаконовых, о. М. Петелина, о. С. Попова и др. Эти люди, овладев языками окормляемых ими народов, даже сделали переводы церковных текстов с русского на национальные языки.

Второй этап охватывает большой временной промежуток и характеризуется наличием уже двух взаимодополняемых корпусов текстов на родных языках с их переводами на русский язык. Это, во-первых, записанные учеными-фольклористами образцы устного народного творчества и, во-вторых, литературные произведения тех, кто получил общее или специальное литературное образование. Этот этап взял свое начало в 1920-х годах и завершился с окончанием XX века. Он связан с установлением Советской власти на дальневосточных территориях, повышенным вниманием к изучению материальной и духовной культуры проживающих в этом регионе аборигенов, а также с образовательной политикой в отношении коренных народов.

В июне 1924 года Президиум ВЦИК принял решение о создании Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), в работе которого помимо советских и партийных деятелей приняли участие ученые В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг. Через год такие комитеты уже были созданы на местах. Они оказывали посильную помощь отправлявшимся в дальневосточные края научным экспедициям. В сопроводительных документах ученых говорилось, что «для более плодотворной работы среди туземцев нужно использовать материалы этнографистов, это даст большую пользу» [2. Л. 50—51].

В составе экспедиций были лингвисты — ученики Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза — Г.М. Василевич (1895—1971), В.А. Аврорин (1910—1977), Е.А. Крейнович (1906—1985), В.И. Цинциус (1903—1981), К.М. Мыльникова-Форштейн (1899—?), А.С. Форштейн (1904—1968), С.Н. Стебницкий (1906—1941), Е.Р. Шнейдер (1897—1938). В это же время активную исследовательскую работу среди нанайцев вели Н.А. Липская-Вальронд¹ (1895—1942) со своим мужем А.Н. Липским

¹ К сожалению, многочисленные тексты на нанайском языке, записанные Н.А. Липской-Вальронд на латинице и хранящиеся в архиве МАЭ, до сих пор не переведены на русский язык.

(1890—1973). Учеными был собран богатейший материал, легший в основу фольклористики северных народов. Например, только В.И. Цинциус и К.М. Мыльниковой-Форштейн у негидальцев было записано свыше 320 образцов фольклора, из них 150 сказок и преданий, 70 песен, 60 загадок, 20 различных табу-запретов [3. С. 50—54]. Учеными были опубликованы не только образцы устного народного творчества, но и нарративы — семейные предания о происхождении того или иного рода, описания способов охоты и рыбалки и т.д. Выполняя решение I Краевого съезда Советов Дальнего Востока о создании письменности на языках народов Севера, практически все перечисленные лингвисты стали авторами азбук для языков КМНС.

Большую роль в деле просвещения коренных народов и становления национальных кадров сыграл основанный в 1929 году Институт народов Севера (ИНС) в Ленинграде. Благодаря этому появились писатели из числа КМНС.

Третий этап, взявший свое начало в XXI веке, продолжил традиции второго — это записи текстов, но уже с переводом на русский язык не только отечественными, но и зарубежными исследователями, а также корпус текстов, опубликованных носителями языков с авторскими переводами.

Для записи текстов на языках коренных народов требовалось главное — знание этих языков. Но к концу XIX века каких-либо материалов или учебных пособий по языкам дальневосточных народов не существовало. Казаки, путешественники, миссионеры, а позднее ученые (Н. Витсен (1641—1717), Г.Д. Мессершмидт (1685—1735), Ф.И. Страленберг (1676—1747), М.А. Кастрен (1813—1852), Л.И. Шренк (1826—1894), Р.К. Маак (1825—1886), Г.Л. Майдель (1835—1894), А.Ф. Миддендорф (1815—1894) и др.), побывавшие на этих территориях, в лучшем случае составляли словники, необходимые для общения с аборигенами.

В 1934 году отечественный этнограф и тунгусо-маньчжуровед, директор Института народов Севера Я.П. Кошкин (Алькор) писал: «Большую роль в изучении “палеоазиатских” языков сыграла группа народовольцев (В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон и Л.Я. Штернберг¹), сосланных царским правительством. Луораветланский, нымьланский² и ительменский языки изучались В.Г. Богоразом, который в полном смысле этого слова может считаться пионером луораветланско-нымьланско-ительменского языкознания... Одульский и унанганский³ языки изучались В.И. Иохельсоном. Нивхский язык изучался Л.Я. Штернбергом» [4. С. 3].

Политические ссыльные, оказавшиеся в дальневосточных краях, не имели специальной лингвистической подготовки. Они, выучив языки «со слуха», преодолевая трудности морфологии, синтаксиса и фонетики языков аборигенов, смогли оставить теоретические материалы по языкам северных народов, а также богатейшее наследие образцов устного народного творчества нивхов, айнов, оро-

¹ В этом списке отсутствует фамилия Б.О. Пилсудского, так как он был поляком, сосланным за революционную деятельность и после отбытия ссылки вернулся на родину.

² Луораветланский (от самоназвания народа *лыгьгьоравэтльээн йиэьийиэ*) — чукотский язык; нымьланский — один из диалектов корякского языка, на котором говорят оседлые (*нымным*) коряки.

³ Одульский — язык колымских (лесных) юкагиров; унанганский (от самоназвания народа *унауам тунуу*) — алеутский язык.

чей, нанайцев, эскимосов, чукчей, коряков и ительменов, переведенное на русский язык.

Л.Я. Штернберг, записавший 75 текстов поэм, сказок, песен, преданий, молитв на нивхском языке, считал, «что без основательного знания языка подлинная жизнь заинтересовавшего меня племени, особенно ее психические стороны, останутся для меня сокрытыми» [5. С. VIII]. Его поддерживал В.Г. Богораз, подтверждая, что «язык является не только орудием для общения с туземцами без посредства переводчиков, часто небрежных и невежественных, он составляет лучшее средство для познания самой народности...» [6. С. 85].

Запись текстов учеными-европейцами была сопряжена с большими трудностями. Л.Я. Штернберг вспоминал, что ему приходилось постоянно спрашивать своих информаторов о способе произнесения того или иного звука нивхского языка. Он даже прибегнул к помощи Б.О. Пилсудского, дав тому задание записывать тексты параллельно с ним. Но мнение ученых о произнесении того или иного слова часто не совпадало, что усложняло работу. Запись текстов велась кириллицей с использованием отдельных латинских букв и диакритических знаков.

Намгур'мар'

Кінах намгур'мар'воџн-чоңхр'-вај фіт хупывуфкѐ. Кең меҳр', лоң меҳр'; тулф ахр'тівра, толф ахр'кхавра; џна ахр'панді-лу; панд кхавр'мурá, тулф ахр'кыңгың мура. һар'наф-нан јаџ хемі кара.

Две синицы

Первоначально две синицы под кровом кочки жили, долго жили. Два солнца, две луны (*были*); зимою (тоже) холодно было, летом (тоже) жарко было; зверя (тоже) не родилось; родившееся от жары умирало, зимою (тоже от мороза умирало. Вот теперь младший брат вверх (*по реке*) поднялся, старший брат вниз (*по реке*) спустился [5. С. 150].

Ученый дал подробное описание процесса перевода записанных им текстов на русский язык: «Перевод текстов сделан мною почти дословно, причем я употребил все усилия, чтобы он в то же время по возможности передавал ясно дух и смысл подлинника. Все слова русского текста, не соответствующие буквально подлиннику или введенные только для ясности или по неизбежным требованиям русского языка, как напр., отсутствующие в гиляцком¹ союзы и т.п., напечатаны курсивом» [5. С. XXII].

Кроме того, в процессе перевода Л.Я. Штернберг осознал необходимость этнографического комментария к нивхским сказаниям. Поэтому каждый текст он постарался снабдить подробными примечаниями, разъясняющими особенности материальной и духовной культуры народа, упомянутые в легенде. К вышеприведенному абзацу кроме пространный пояснения ко всему тексту о происхождении мифа автор привел и постраничные пояснения, например: «*стр. 1* — Намгур' — синица, *Parus palustris*, var. *borealis*; *стр. 2*. воџн-чоңхр'-вај — “под кровом кочки” букв.: “под головкой кочки” — воџн — “кочка на тундре”». Благодаря тундровой влаге и тени от кочки, синицы, устроившие свое гнездо в нижней части кочки, легко укрывались в течение дня от невыносимого жара двух солнц [5. С. 156].

¹ Гиляцкий (устар.) — нивхский язык.

В.Г. Богораз начинал свою работу несколько иначе. Запись и перевод чукотских текстов происходили следующим образом. Под диктовку своего переводчика и других рассказчиков он записывал сначала отрывок текста, «потом составлял приблизительный перевод, подвергал каждое слово подробному грамматическому разбору, уясняя себе соотношение слов и вместе с тем придавая переводу точность». Он работал таким образом в течение полутора лет, пока полностью не овладел основами чукотского языка. Ученым было записано 48 чукотских текстов с подстрочным переводом, 96 пересказов только на русском языке и 24 пересказа, записанных в сотрудничестве с переводчиком [7. С. 2—3].

Записывая эскимосские тексты, по словам известного лингвиста-североведа И.С. Вдовина (1907—1996), обрабатывавшего архив В.Г. Богораза, Владимир Германович сначала составлял русский фразник, а затем переводил его на эскимосский язык. Помогал ему в этом переводчик-эскимос Аканкау, владевший и чукотским, и русским языками. Овладев эскимосским языком, в дальнейшем ученый сразу записывал диктуемый ему текст латиницей, делая подстрочный перевод и позже обрабатывая его литературно. Например, «Сказка о Вороне и Волке» была записана следующим образом:

I'mnañuk Mi'taxluk is'ta'arakuk p'na'mi, ču'na ñuk tana
Ukuyu'xuk Mi'taxluk cituxra'arakuk p'na'xlurmi, lu'ur kun am ta'na
I'mmiñux Mi'taxluk s'itirčaxti'kaxtix p'na'ni, s'un ñux ta'na
E'nmen Ve'le nira'lêčêtqên ê'nmik, lu'ur qun ŷmenqa'n Ama'xlak.

Однажды Ворон катался с горы, также тот Волк.

Лит. — Ворон катался с горы [8. С. 12—13].

Однако все свои записи В.Г. Богораз обработать не успел. История сохранила имена тех, кто сделал переводы эскимосских текстов на русский язык. Это были студенты Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета Аяутка и Уйгахпак, а также м.н.с. кабинета северных языков Института языка и мышления им. Н.Я. Марра (ныне ИЛИ) Е.С. Рубцова [9. С. 22—24]. Тексты, записанные В.Г. Богоразом на ительменском языке хранятся в архиве РАН в Санкт-Петербурге, они еще ждут своих переводчиков.

Исследователь юкагиров, коряков и алеутов В.И. Иохельсон оставил в наследство обширный этнографический и фольклорный материал, отражающий культуру перечисленных народов. Во время этнографических экспедиций им было записано: на алеутском языке — 131 образец устного народного творчества с переводом на русский язык, сделано 96 фонографических записей; 41 рассказ на ительменском языке; предания на диалектах юкагирского языка с переводом и без перевода на русский язык, шаманские камлания, песни, загадки юкагиров, более 30 преданий и песен коряков.

Все материалы этого исследователя при его жизни были опубликованы за рубежом, и только с наступлением перестроечных времен они увидели свет в нашей стране. В 1997 году был переведен на русский язык и напечатан его труд «Коряки», к сожалению, без упоминания фамилии переводчика английского текста. В 2005 году увидела свет монография «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы», где переводчиками с английского языка выступили кандидат искусствоведения В.Х. Иванова и заслуженный деятель искусств России З.И. Иванова-Унарова,

финансовую поддержку которым оказал Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. В книге приведены фольклорные тексты юкагиров, говоривших на двух диалектах юкагирского языка — колымском (К) и тундренном (Т). Запись текстов и способов их перевода совпадает с теми, которыми пользовался В.Г. Богораз. Сначала записывалось предложение на юкагирском языке, затем давался подстрочный перевод, а после полной записи шел литературно обработанный текст.

К. Шэун-пан-ч'олэды
Т. Анаан-мархэл-коровал

О Камне-Девушке-сказка

К. Полундиэ лэчи тэрикэни. Атахун марх'улэ
Т. Полудиэ лэчи аапанаалаанэн. Кин мархилэк
Старик жил женатый (с женой). Двух девочек
К. марх'уонэн. Йалмаштэги йукуодьэд уок ан мархилэкь.
Т. мархилнэн. Йалмаштэги йукудуокь вай п'адидуокь.
как дочерей. Третье его малое дитя тоже девочка (была)
он имел.

Сказка о каменной девушке

Жил-был старик. Он был женат и имел трех дочерей [10. С. 387—388].

В 2014 году на русский язык в переводе и под редакцией К. Халоймовой, М. Дюрра и Э. Кастена вышла в свет книга ительменских сказок, записанных В.И. Иохельсоном. Переводчики последнего издания отметили те трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Дело в том, что современный язык и язык, на котором были произведены записи текстов, имеют существенные отличия. За сто лет, прошедших с момента записи, произошли изменения в звучании, грамматическом и лексическом строе языка, вышли из употребления отдельные слова. Кроме того, автор не дал пояснений, на каком диалекте ительменского языка был записан тот или иной текст. Переводчики сетовали и по поводу того, что ученый, «транскрибируя тексты латинскими буквами, в недостаточной степени воспроизвел важные звуковые различия» и им часто приходилось применять смысловой перевод [11. С. 6, 8], например:

Чээлкутх эк вапаџамталха'н
Ксуньлџзукнэн Чээлкутх.
Энна ксваталџзокнан Кутхэн п'эчэнк Синаџэвтэнк. Квэтатџзокнан.
5 Инкэмл у'э'н ктмлџзу'ин.
Чээлкутх кџалџкнан Синаџэвтэнк.
Халч йэџ ксуньлџзукнэн.
џэчик кхаймаџтоџзокнан.
Синаџэвт к'ахскнан.
Челькутх и девушки-мухоморы
Жил-был Челькутх.
Посватался он к дочери Кутха Синаневт, работал для нее,
5 много дров приносил.
Челькутх, наконец, женился на Синаневт.
Стали они жить,
много веселились.
Родила Синаневт [11. С. 12, 13].

Судьбу трудов В.И. Иохельсона разделили и материалы, собранные Б.О. Пилсудским. Даже само имя исследователя в СССР нигде не упоминалось. При жизни автора материалы по айнскому языку и фольклору были опубликованы за границей (в Польше и США) на английском языке. Сегодня мы имеем возможность прочесть и услышать все, что было собрано и записано исследователем от носителей нивхского, айнского, уйльтинского языков в русском переводе. А это 378 страниц нивхских фольклорных текстов, 870 страниц айнских текстов, 13 страниц текстов уйльта/ороков, 30 фонографических валиков с айнскими песнями и сказками [12. С. 9—10].

Нивхские тексты записывались Б.О. Пилсудским кириллицей, рядом с текстом располагался его подстрочный перевод, после текста шли пояснения, например:

Гиляцкие песни старинные

№ 1

Немк — хун	Моя мать с отцом и
нершге {?}	отец мой с матерью,
/пиһия/	/убей себя (мне говорили),
нзята ни нета/	меня били, меня ругали,
/ый яе босько/	/ох мое горе.
/млых — тох па коһо	В загробную жизнь только мысли мои
вьльно	направляю,
/ый яе һосько/	/ох мое горе.
Чи мандзю наирш	В то время, как ты в Манчжурию
тай һосько	поехал,
пиһыныһра	я в твоё отсутствие убью себя
/ый яе босько/	/ох мое горе./

В пояснениях, данных перед текстом, исследователь сообщил, что речь в песне будет идти о женщине, которая, забеременев от дяди, в целях искупления своей вины решила на самоубийство. Чтобы понять смысл песни, необходимо знать, что суицидальные наклонности были присущи нивхам. Поэтому в их фольклорных текстах часто встречается такой сюжет, о чем хотел сказать Б.О. Пилсудский [13. С. 5—6].

Если к нивхским текстам автором дан только подстрочный перевод, то к айнским имеется еще и литературный:

№ 1. Твита

1. Эрүму о́хаё ан; синэ́-то окая́н, тунака́й ну́со анахкопа́, я́ук/
Крыса самец жила, однажды сидела, оленью нарту запрягла, закру-
2. кари_ка́ри ма́кан э́рүму ну́со ця́хкопа́ сю́й яу́ку кари_ка́ри ко́нуци
жилась; пошла, крысиную нарту запрягла, также закружилась, по-
3. ну́со ця́хкопа́ там поро́ су́нку анкосина́,
там левых мышей нарту запрягла, к этой большой ели привязала,
4. циэ́һану́ка рэ́па-ась ци́вэ́н ры́я ру́си ци
шатается (дерево); я села на нарту своей старой шубы полы
5. по́та_по́та та́ка-ры́сь-ась па́е-ась;
болтаются, отвязала нарту я, поехала;

[Жила-была крыса. Однажды, собравшись для обычного своего промысла в дорогу, запрягла она оленью нарту. Запутались олени, и бросила их крыса. Запрягла она в

нарту крыс, но и те закружились тут же на месте; тогда крыса запрягла полевых мышей. Привязанные к большой ели, пока крыса надевала на себя платье, они дергали так сильно за веревку, что дерево шаталось от основания до верхушки. Но вот уже нарта отвязана, и помчалась крыса вихрем, лишь полы ее старой шубенки развеваются.]

Айнские тексты тоже были снабжены примечаниями [14. С. 22—23].

Миссионеры, отправлявшиеся в места проживания северных народов, не всегда проявляли интерес к их жизни, но среди этих людей встречались и те, кто, объезжая стойбища местных жителей, делали и этнографические, и лингвистические записи, составляя небольшие словники или переводя тексты молитв с русского языка на языки местных жителей. В 1812 году священнослужителем А. Трифоновым были переведены на чукотский язык ряд молитв и христианских заповедей. В.Г. Богораз вспоминал о А. Аргентова (1816—1896) и о Михаила Петелина, подарившего ученому словарь чукотского языка, который, по словам Богораза, представлял собой «грязную тетрадку в восьмушку, писанную карандашом», где «русские слова списаны из русско-немецкого словаря Рейфа... представлявшего собой чудо безграмотности... Эти немецко-славянские перлы отец Михаил старался перепереть на чукотский язык, разумеется, при помощи казака-переводчика» [15. С. 72—73]. В 1898 году словарь о. М. Петелина был издан, но из-за многочисленных ошибок востребован не был.

Но были среди священнослужителей и настоящие подвижники. К таким людям относился первый православный епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки миссионер И.Е. Попов (Вениаминов), а впоследствии Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий, прославленный в лике святителей как апостол Сибири и Америки. Его «Записки об островах Уналашкинского отдела» представляют собой энциклопедию о жизни алеутов в XIX в. В этом труде есть глава, посвященная особенностям алеутского языка, его диалектам, грамматическому и морфологическому строю. Святителем Иннокентием были записаны предания и сказки алеутов, но на русском языке. На алеутском языке в подстрочном переводе на русский даны примеры песен:

А́нгин ангитаку́кинáн, у́яя.	Душа моя, душа во мне есть, вот.
Кагнáнин кагнахтаку́кинáн, у́яя.	Кости мои, кости во мне есть, вот.
у́льлюн у́льлюхтаку́кинáн, у́яя.	Тело мое, тело у меня есть, вот.
И́мин илгаса́дан, и́мин укуса́дан.	Тебя я ищу, тебя стараюсь увидеть.
Тага нún тунú тунúда, 'игамáн нún и́да.	Но говори мне, добро, мне скажи.

[16. С. 264—298].

Кроме переводов с алеутского языка, остались выполненные святителем переводы с русского на алеутский язык Евангелия от Матфея, Христианского краткого Катехизиса. Им было составлено поучение под названием «Краткое показание пути к Царствию Небесному». Миссионер отмечал, что многие алеуты «весьма охотно читают переведенные для них книги» [16. С. 163—164].

Исследований по тунгусо-маньчжурским языкам в дореволюционный период, сопоставимых по значимости с исследованиями палеоазиатской группы языков, практически не было. Это в основном опубликованные священниками (А. и П. Протодияконовы и С. Попов и др.) и краеведами (К.Д. Логиновский, В.П. Маргаритов, В. Грубе, К.И. Максимович, И.П. Надаров и др.) словники.

Например, действительный статский советник В.П. Маргаритов (1854—1916), побывав у орочей Императорской Гавани, составил русско-орочско-маньчжурский словник и записал три сказки о медведе, но их вариантов на ороческом языке не привел. В статье дан сразу литературно обработанный перевод на русский язык [17. С. 33—36]. Профессиональный военный капитан С.Г. Леонтович (1862—?), увлекшись этнографическими исследованиями, составил и опубликовал Русско-ороченский словарь с грамматическим комментарием.

Что касается трудов ученых, то здесь можно назвать, во-первых, записи по грамматике и лексике эвенкийского языка *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis* М.А. Кастрена (1813—1852) с включением слов, записанных А.Ф. Миддендорфом (1815—1894), Г.И. Спасским (1783—1864) и Г. Герстфельдом; Тунгусский словарь Р.К. Маака (1825—1886), включавший в себя слова из языков манегров, орочен, вилюйских тунгусов и тунгусов среднего и нижнего Амура. Он был опубликован в качестве приложения к его книге «Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком» (1859). Востоковед и этнограф П.П. Шмидт (1869—1938), профессор Восточного института, в 1908 году собрал материал по тунгусо-маньчжурским языкам, в частности, по ульчскому, негидальскому, ороческому, языку нанайцев-самагиров и позже опубликовал ряд статей на английском языке, включавших помимо описания особенностей языков, небольшие словники — ульчско-английский, негидальско-английский и т.д. Записанный антропологом и этнографом И.А. Лопатиным (1888—1970) фольклор нанайцев публиковался на русском языке, а собранные в 1924 году у орочей сказки и предания были опубликованы в Швейцарии на английском языке в 1957 году.

Большой интерес представляет монография лингвиста-монголоведа Н.Н. Поппе (1897—1991) «Материалы для исследования тунгусского языка» (1927). Ученый, сотрудничая со студентом-эвенком П.Н. Барановым, записал тексты на языке баргузинских эвенков и словарь. О способе перевода текстов автор сообщил следующее: «Относительно перевода следует заметить, что по возможности, всюду дается дословный перевод, вследствие чего он с литературной точки зрения должен быть признан неудовлетворительным» [18. С. 4—5]. Несмотря на суровую оценку полученного результата, тексты вполне понятны.

Нимцакәwун

Умун беје урiнче печбн бипечбн
ahija uwej ilan omolgiči. Umnokbn
omolgiholtkiwi gunchon: «atirkanewi
gelokte», gunie, «ilallal ehiki
mucura, akindiguhun geloktobnon dilaca
juptuklon!».

Сказка

Жил был один человек без жены с тремя сыновьями. Однажды он сказал своим сыновьям: «Пойду искать себе жену; если я по прошествии трех дней не вернусь, пусть старший из вас пойдём искать (меня) в сторону восхода солнца!»

[18. С. 18]

Свою скромную лепту в тунгусо-маньчжуроведение смогли внести Л.Я. Штернберг и Б.О. Пилсудский. Первый оставил словник по негидальскому, второй — по ульчскому языку, включив туда слова из языка уйльта/ороков.

По определению Святейшего Синода 1858 года был издан тунгусский букварь о. Стефана Попова с проповедями на эвенкийском языке с переводом на русский,

а в 1859 году Краткий тунгусский словарь. Первым ороческим словарем стал Краткий русско-ороченский словарь о. А. Протодияконова, в котором была отражена лексика амурских орочей. Брат о. Александра, о. Прокопий Протодиаконов опубликовал в 1884 году для нанайских детей «Гольдскую азбуку для обучения гольдских и гиляцких детей: По слуховому способу», в которой были представлены тексты на родном языке, записанные кириллицей с переводом на русский, например:

Ага, нэу ду биче ом нючи токи. Монэ дола сори: уйги токи. Монэ монэ бару гали, та? Минду буру, ми токи. Аба, ыи си токи биси минду бугу. Эни дидче, токи чиха, уйги да биси очуха ый токи.

У двух братьев была одна маленькая нарта. Они ссорились между собою: чья нарта? Друг у друга отнимали. Отдай мне; моя нарта. Нет, эта нарта не твоя, отдай мне. Пришла мать, отняла нарту, ничья оказалась эта нарта.

[19. С. 31—32]

Кроме составленной азбуки о. Прокопий оставил записи нанайских песен, былей и сказок с переводом на русский язык:

Дубилам хасэ

Джари касатыйду

Соляди, хыдеди дидче гурун улен дольджесу ми джариво. Ангма абальту, хэсэ анам да оди ахсара. Сонггуми элэ дидчембе. Тэку нырэк тэкэха, геуль гисаха, гоун гайбуха. Тундахамбе.

Красноречие, прибаутка.

Песня во время касатывания шамана

Сверху и снизу (по течению реки) приехавшие люди хорошенько слушайте мою песню. Голосу не достает, хотя без слов (не красноречиво), пожалуйста не сердитесь. Со слезами едва приехал. Две лодки продавилось, весла изгреблись, шест иступился, и я здесь очутился.

[20. С. 1]

Если рассматривать те способы перевода, которые использовали первые собиратели текстов коренных народов, то основными можно считать буквальный или пословный, когда с предельной точностью, «строка в строку» и «предложение в предложение», передавалась структура предложения с сохранением в большинстве случаев порядка слов, что ясно демонстрируют приведенные примеры. Результатом такого перевода был «подстрочник», в котором не всегда соблюдались нормы и правила русского языка. Однако это не влияло на понимание общего смысла текста. Но для того, чтобы такой текст, содержащий порой экзотическую этнокультурную информацию, был полностью понятен инокультурному читателю, он обрабатывался литературно, с использованием средств русского языка.

Следующий период появления переведенных с родных языков текстов характеризуется наличием двух их видов. Это ставшие уже традиционными фольклорные тексты с переводами, подготовленными учеными и тексты, созданные представителями КМНС, основоположниками национальных литератур.

Основы параллельной записи текстов на языках бесписьменных коренных народов Дальнего Востока с русским подстрочником и последующей литературной обработкой или без таковой были заложены в конце XIX — начале XX века политическими ссыльными и миссионерами, находившимися в местах компакт-

ного проживания аборигенов. Эта практика была продолжена теперь уже профессионалами — учеными-лингвистами и этнографами в советский и постсоветский периоды времени.

В течение многих лет упомянутые ранее этнографы-лингвисты, ставшие преподавателями Института народов Севера, публиковали собранные ими во время экспедиционной работы 1925—1931 годов материалы. Записанные Г.М. Василевич на латинице эвенкийские (тунгусские) сказки и предания с переводом на русский язык увидели свет впервые в 1936 году и позже были переизданы с дополнениями уже в 1966 году. Редактор сборника Я.П. Алькор так отозвался о тех условиях, в которых Г.М. Василевич собирала материал: «Этой энтузиастке изучения эвенков и в частности их фольклора удалось во время своих многочисленных экспедиций на Север, в труднейших условиях передвижения, то верхом на оленях, то в углой лодке, собрать ценнейший фольклорный материал» [21. С. 1]. Автором была проделана огромная работа — подготовлен перевод, пояснения к тексту и сноски:

Hulakī

Kōkšicān gūnən: “Hulakīja! Kōkcaŋāt āmuttu!” āmut buldiməktə, hōmama buldiməktəkən. Kōkcalinə, kōkšicān hūḡḡrən hulakīnun dūktə. Kōkšicān dəŋməl ūaana, hulakī pkašītri halgardīwi.

Лисица

Пташка сказала: «Лисичка! Попрыгаем (пощелкаем лапками) по озеру!» Озеро покрыто шугой, сильно покрыто шугой. Отправились прыгать, пташка пошла с лисицей вместе [21. С. 7].

За время годичного пребывания у негидальцев К.М. Мыльниковой-Форштейн и В.И. Цинциус был собран значительный материал по устному творчеству народа. Небольшая часть текстов на негидальском языке с параллельными текстами на русском языке увидела свет в 1931 году, но большая их часть была опубликована лишь в 1982 году в монографии В.И. Цинциус «Негидальский язык». Исследователь подробно рассказала о примененных ею принципах перевода негидальского текста. Она писала, что перевод на русский язык осуществлялся с учетом синтаксических особенностей оригинала, т.е. с сохранением сказуемого в конце предложения. Включая в переведенный на русский язык текст отсутствующие в негидальском языке союзы, она заключала их в квадратные скобки, а пояснения к отдельным словам — в круглые. Заголовки, обычно отсутствующие в негидальских преданиях и сказках, В.И. Цинциус давала по первой фразе оригинального текста или по основным его персонажам.

№ 31. Оли, хиүбчән

Омон хагдундү омон хиүбчән, омон олү балдичäl. Ти биси. Олү ахинмā, хиүбчән нэхунмā. Ти-и биси. Тоүотин зегдэйэн, ти зегдэмү зегдэйэн, долбони инэңзиниэтин зегдэйэн. Нō сигдэ, ти биси. Даүа бисим-ну, гойо бисим-ну, ти бидиүитин. Нō сигдо, даүа бисим-ну, гойо бисим-ну, ти биси, омон хиүбчән, омон олү ти бидиүитин.

№ 31. Ворон и коршун

В одном зимнике один коршун [и] один ворон живут. Так живут. Ворон — старший (тот, который старше), коршун — младший (тот, который младший). Так живут. Огонь

у них горит, так горя, горит, день и ночь горит. Ну вот так живут. Долго ли, коротко ли, так живут, один коршун [и] один ворон так живут [22. С. 157].

Е.А. Крейнович, попав к нивхам Сахалина, по совету Л.Я. Штернберга сосредоточился на сборе фольклорного и этнографического материала. Как вспоминал сам ученый, им было записано на сахалинском и амурском диалектах 66 преданий, 10 сказок, 5 песен, 3 любовные песни, 30 загадок, а также ритмические песенки, исполняемые во время «медвежьего» праздника¹ [23. С. 45]. С.Н. Стебницкий, находясь в этнографической экспедиции на Камчатке, собирал фольклор коренных народов, на основе которого по прибытии в Ленинград написал несколько книг для детей, опубликованных на русском языке. Е.Р. Шнейдер, будучи руководителем Амурско-Уссурийской экспедиции Русского музея, в 1927 году собрал языковой материал для краткого удэгейско-русского словаря и для книг «Материалы по удэгейскому языку» и «Материалы по языку анюйских удэ»². Вслед за Е.Р. Шнейдером в 1936 году у самаргинских удэгейцев побывала его ученица Е.Н. Баскакова. Она смогла записать 71 предание латиницей на удэгейском языке, но эти записи остались не переведенными на русский язык. Работа с архивом исследователя началась только в 2011 году и обработана лишь небольшая его часть³ [24. С. 92]. Разнообразный по жанрам эвенский фольклорный материал был собран К.А. Новиковой (1913—1984) и ее мужем Л.В. Соболевским (1912—1942). Многие из их наследия до сих пор хранятся в рукописях.

Но кроме задачи проведения исследований в антропологическом и этнографическом плане необходимо было претворять в жизнь постановление Президиума ВЦИК от 1924 года о просвещении коренных народов. Для этого на территориях их проживания организуются культбазы, конечной целью которых определялось «образование из них политических и культурных центров малых народностей», они должны были стать «рассадником просвещения» [25. С. 118]. Многие будущие литераторы из числа КМНС, начав свое образование на занятиях культбазы, получили направление на учебу в Ленинград. Но для того, чтобы процесс просвещения имел успех, необходимо было создать письменность для ранее бесписьменных языков.

Всей работой по созданию письменности КМНС занимался Центральный комитет нового (латинизированного) алфавита (КНА) при Совете национальностей ЦИК СССР. На Дальнем Востоке эту работу координировал один из яр-

¹ Архив Е.А. Крейновича был передан его вдовой в Сахалинский областной краеведческий музей. Только в новом столетии собранные ученым материалы постепенно вводятся в научный оборот.

² Ученые Г.М. Василевич, К.И. Мыльникова-Форштейн, А.С. Форштейн, Е.А. Крейнович, В.И. Цинциус, В.А. Авруин подверглись репрессиям, доступ к их архивам был ограничен. Большинство материалов, собранных этими учеными во время дальневосточных экспедиций, увидели свет лишь во второй половине XX века, а некоторые до сих пор ждут своих исследователей. Е.Р. Шнейдер был расстрелян, а его книга «Материалы по языку анюйских удэ», по сведениям И.В. Кормушина, не была тиражирована и лишь случайно сохранилась в единственном типографском экземпляре [26. С. 35—36].

³ Е.Н. Баскакова не успела обработать собранные материалы, так как, по имеющимся сведениям, была арестована на вокзале по прибытии с Дальнего Востока и дальнейшая ее судьба неизвестна [24. С. 90].

чайших представителей российской этнографии — лингвист В.А. Аврорин¹. Прибыв в Хабаровский край с целью изучения тунгусо-маньчжурских языков, он вел большую научно-организационную работу. Здесь он был избран заведующим сектором народов Севера Комитета нового алфавита при Президиуме Далькрайисполкома. На одном из заседаний Комитета он изложил основные направления работы КНА: во-первых, работа по ликвидации безграмотности и созданию в туземных поселениях начальных школ и, во-вторых, организация издательского дела и работа с начинающими писателями из среды аборигенов. Позже на основе латиницы была создана письменность для перечисленных бесписьменных языков, что явилось толчком к написанию художественных произведений на родных языках.

Период 30-х годов прошлого столетия считается временем зарождения национальных литератур. В печати стали появляться произведения первых писателей из числа КМНС. Это были в основном студенты Хабаровского техникума народов Севера, Охотско-Колымского техникума и ИНСа, писавшие на родных языках². Студентом этого института нанайцем А.Д. Самаром (1916—1943) были опубликованы в Ленинграде поэтические сборники «Нанай дярини» («Песни нанайца»), «Сихисэл тэни» («Стихи»), «Синэди най пиктэни» на нанайском и русском языках. Большую помощь молодому поэту оказала А.П. Путинцева (1903—1993) — руководитель первой Красной юрты среди нанайцев Амура, а в годы его учебы — преподаватель ИНСа. В 1936 году он перевел на нанайский язык ряд произведений русской классической литературы, Конституцию СССР.

Первым удэгейским писателем стал Д.Б. Кимонко (1905—1949), в чьем становлении большую роль сыграли первый переводчик его рассказов, этнограф Е.Р. Шнейдер и заведующий отделом этнографии Хабаровского краеведческого музея, позже преподаватель ИНСа Н.А. Богданова-Серк (1904—1966). Будучи студентом этого института, Д. Кимонко написал на родном языке рассказ «Бата», завоевавший на конкурсе Гослитиздата второе место. Позже переводами и популяризацией его главного произведения «Там, где бежит Сукпай» занималась журналист и писатель Ю.А. Шестакова (1914—2002). Первую часть романа она переводила при непосредственном участии автора, который разъяснял ей значения удэгейских слов, не имеющих соответствия в русском языке. Но литературную обработку перевода Ю.А. Шестакова делала самостоятельно [27. С. 23]. К сожалению, печатного варианта повести на удэгейском языке нет, рукопись находится в Государственном архиве Хабаровского края.

Нивхи Нижнего Амура и Сахалина — Воксин, Неньгун, Неньгук, Сарат тоже учились в Институте народов Севера. Однако собственных литературных произведений ими не создано, но Н.У. Воксин и С. Сарат занимались переводами с

¹ Этот ученый совместно со своей женой Е.П. Лебедевой собрал уникальную коллекцию ороческих текстов с переводом на русский язык. Но часть из них осталась непереуведенной и к сожалению, сегодня нет ни одного носителя ороческого языка.

² Здесь речь пойдет только о тех авторах, чьи произведения на родных языках увидели свет в книжном варианте, так как существует очень большое количество газетных и журнальных публикаций, а также рукописей, хранящихся в архивах. Кроме того, зачинателями национальных литератур часто называются и те авторы, кто писал на русском языке.

русского на нивхский язык для выпускавшейся в Николаевске-на-Амуре газеты «Нивх диф». Известным своими литературными трудами стал лишь один ульчский студент Северного факультета ЛВИ (позже ИНС), С.Н. Сипин (1905—1938). Его рассказы на ульчском языке были переданы лингвисту Т.И. Петровой (1896—1976) для ее монографии «Ульчский диалект нанайского языка» [28. С. 62]. До нас эти тексты дошли в русском переводе и в литературной обработке ученого.

Считающийся основоположником юкагирской литературы Тэки Одулок (Н.И. Спиридонов, 1906—1938) опубликовал написанную в содружестве с С.Я. Маршаком повесть «Жизнь Имтеургина Старшего» (1934 г.) на русском языке. Варианта на юкагирском языке нет.

Выпускник ИНСа эвен Н.С. Тарабукин (1910—1950) является основоположником эвенской литературы. Первые его книги стихов «Nigi ikəl̄ni» («Песни тайги: индигирские стихи», 1936) и «Мэнгэн асаткан дэгэдэкэн» («Полет золотой девушки: эвенские стихи», 1937) были опубликованы на родном языке. Перевода на русский язык этих работ нет. Повесть «Кунгарапу» («Мое детство», 1936) тоже вышла на эвенском языке под редакцией А.Р. Беспаленко, который, по словам В.В. Огрызко, взял над Н. Тарабукиным шефство и «в 1937—1938 гг. готовил его книги к изданию» [29. С. 11]. Эта повесть была записана литературным языком писателем Г.С. Гором (1907—1981), постоянно общавшимся с автором. Поэтому считается, что русский вариант повести является авторизованным переводом.

Эньму укчэрэн

Аманси ингсий, ай бигрэрэп. Аич-та нулгэрит. Эсэп хилгэрэр. Болониду нулгэгрэрэп бэилиюн умэтту окаттанин, урэкчэтэнии. Аманси уямкам малан бисин. Уямкам маракан, бэйилду нимадуггарап. Чамаку-да хоян малан бисин.

[30. С. 7]

Мать рассказывает

Когда был жив твой отец, мы жили хорошо, не мучились. Осенью кочевали вместе с другими людьми по разным рекам и хребтам. Твой отец был хорошим охотником на диких каменных баранов. И тарбаганов он убивал много. Когда он убивал барана, мы делились с соседями согласно обычаю.

[31. С. 240]

Одним из редакторов и переводчиков эвенских и юкагирских текстов в 1930—1940-х годах В.В. Огрызко назвал В. Кривошеина, скептически отозвавшись о его работе, говоря о том, что тот «слишком много привнес в фольклорные материалы своего» [29. С. 23].

Заметной фигурой в эвенской литературе был Н.П. Ткачик (1905—1944), записавший на охотском диалекте эвенского языка уникальные фольклорные тексты, опубликованные только в 1986 году. Замечательные переводы осуществил эвенский поэт и первый эвенский ученый В.Д. Лебедев (1934—1982). В процессе ознакомления с рукописным материалом В.Д. Лебедев столкнулся с большими трудностями. Оказалось, что в тексте имеется много неточностей в написании слов и нарушений в стихотворном строе. Поэтому переводчику предстояла большая текстологическая работа, с чем он блестяще справился. Редактируя русский перевод, В.Д. Лебедев стремился сохранить синтаксис предложений, свойственный эвенскому языку. Он не стал точно следовать подстрочнику Н.П. Ткачика, написанному прозой, придав текстам поэтический размер [32. С. 3—4]. Первыми

эвенскими литераторами считаются также В. Слепцов, А. Черканов, Н. Неревля, Г. Солодииков, но все их произведения или остались в рукописях или утрачены.

В стенах ИНСа при непосредственном участии Г.М. Василевич зарождалась эвенкийская литература. Многие студенты-эвенки пробовали себя на литературном поприще, но сложившимися литераторами стали лишь А. Салаткин, Г. Чинков, А. Платонов, Н. Сахаров и Г. Марков. Именно эти люди стояли у истоков эвенкийской литературы. Однако первой книгой, изданной на эвенкийском языке в 1933 году, было произведение «Как я сохатого убил» студента Наумова. Перевод на русский язык был сделан тунгусоведом Е.П. Лебедевой. Сведения об этом авторе скудные, больше никаких произведений им не публиковалось.

Значительный след в эвенкийской литературе тех лет оставил А.М. Салаткин (Лонтогир) (1914—ок. 1957), который первым, как писал В.В. Огрызко, профессионально отнесся к литературному творчеству. Сахалинец Г. Чинков (1915—конец 1960-х) приобщился к художественному творчеству под влиянием Г.М. Василевич. К литературной работе через песню пришел А. Платонов (1912—1939), особо отмечаемый исследователем фольклора и литературы народов Севера М.Г. Воскобойниковым (1912—1979). Г. Марков-Бута, участвуя в конкурсе художественных произведений Гослитиздата, был отмечен издательством за оригинальное произведение, написанное на родном языке. Студент Н. Сахаров (1915—1945) был талантливой во многих областях личностью. Он писал и прозаические, и стихотворные произведения [33. С. 16—25]. Стихи молодых авторов были объединены в сборнике «Аги Урунин» («Радость тайги», 1938 г.), подготовленном М.Г. Воскобойниковым с переведенными им же произведениями поэтов. Эти переводы напоминают подстрочник с оригинала, выполненный в соответствии с правилами русского языка. Сохранены смысл и стиль изложения, но не сохранен стихотворный размер.

Элэктысипты май

Няма кирэ дагадун
Нэлки хэгды тырганин.
Элэкэсун майкун —
Хава праздникин.

[34. С. 11]

Первое мая (песня)

Настала теплая пора
Большого весеннего дня.
Первое Мая —
Праздник труда.

[34. С. 61]

Переводами произведений с эвенкийского занимались Л. Хаустов, А. Ольхон, Л. Шлиолинский, Н. Гессен, Г. Василевич, Г. Семенов, В. Наумова, А. Чивилихин.

Студенты ученого-североведа С.Н. Стебницкого, с которыми он познакомился еще на Камчатке, — Кецай Кеккетын (1918—1943), Лев Жуков (1915—1937), Иван Баранников (Тымлаткэн, 1921—1941) являются основоположниками корякской литературы. Перу К. Кеккетына принадлежит повесть на корякском языке «Эв'ңыто-вал'ын» («Эвныто-батрак»). В 1937 году по мотивам корякского фольклора Л. Жуков создал повесть-сказку «Нотаймэ», в 1940 году увидели свет образцы корякского фольклора «Амамхотлымк'ыло» («Сказки об Эмемкуте»), записанные И. Баранниковым. Все произведения были переведены С.Н. Стебницким, причем ученый, переводя их, бережно относился к оригинальным текстам, сохраняя все стилистические и синтаксические особенности [35. С. 58].

Одним из первых чукчей, получивших путевку в Ленинградский Институт народов Севера, был Тынэтэгин (Ф.Э. Тинетев, 1920—1940). Он явился автором первого опубликованного на чукотском языке стихотворения «Раньше и теперь». В 1940 году вышла его книга «Чавчывалымн'эылтэ» («Сказки чаучу») в переводе и литературной обработке преподавателя чукотского языка Г.Н. Мельникова.

Если 1930-е годы — это зарождение национальных литератур, то с 1960-х годов начинается их расцвет. В этот период появляются авторы из числа КМНС, имена которых стали известны всему миру, — Ю. Рытхэу, В. Санги, Г. Ходжер, П.А. Киле, А. Вальдю, Н.Н. Канчуга, С.Н. Курилов, Г.А. Дьячков, Г.Г. Поротов, В.В. Косыгин (Коянто), Т.Ю. Ачиргина, и др., но, к сожалению, они публиковали свои произведения только на русском языке. Однако были и те, кто не забывал родной язык и писал на нем. Их произведения издавались центральными издательствами Москвы и Ленинграда и региональными. Лидерами среди последних считались Магаданское, Красноярское, Хабаровское книжные издательства, Камчатское отделение Дальневосточного издательства. В Республике Саха (Якутия) книги печатались в издательствах «Бичик» (ныне «Айар»), Института развития образования, Якутского государственного университета (ныне СВФУ). Книги выходили на родных языках с переводами на русский язык, что вносило вклад в популяризацию культурного наследия народов. История сохранила практически все имена переводчиков, с кем работали авторы. Стратегия перевода на этом этапе в корне отличалась от той, что главенствовала на первом этапе накопления переводных текстов, о чем речь пойдет ниже.

Самыми известными из нанайских писателей, писавших на родном языке, были поэт и прозаик А.А. Пассар (1925—2013), но если стихи он писал на родном языке, то прозу — на русском; поэт и автор стихов к песням на нанайском языке П.К. Киле (1918—1990), поэты В.С. Заксор (1931—1971) и Г.А. Бельды (1930—2012). Позже к ним присоединились К.М. Бельды, Н. Бельды, А.П. Ходжер. Переводы с нанайского осуществляли хабаровские журналисты Ю.А. Шестакова, М.Ф. Асламов, Н. Кабушкин, А. Чадаева и профессиональные писатели и поэты О. Зверев, В. Шефнер. В нивхской литературе сегодня лишь одно имя — Д.Н. Вайзгун, который публикует стихи на нивхском языке. Переводы своих стихов он делает сам, профессионально владея русским языком.

В эти годы в литературный процесс влились авторы, пишущие на юкагирском языке — это братья Семен, Гаврил (Улуро Адо) и Николай (Окат Бэй) Куриловы.

Эвенская литература представлена творчеством П. Степанова-Ламутского, А. Кривошапкина, В. Лебедева, В.С. Кейметинова (Баргачан), Е. Никулина, Х. Суздальова, Д. Едукина, Г.И. Кейметинова, Д.В. Кривошапкина. В 1990-е годы эвенский писательский корпус пополнился такими поэтами и прозаиками, как А.Н. Аркук, Е.Н. Бокова, Л.В. Воямгит (1953—1993), Х.И. Дуткин, Х. Дьячков, Е.П. Захарова. В книге «Эвенская литература» В.В. Огрызко привел список переводчиков, с которыми работали эвенские поэты и прозаики. В нем в основном такие профессионалы, как Л.Б. Либединская (1921—2006), А.В. Преловский (1934—2008), Н.И. Грудинина (1918—1999), В.С. Шефнер (1915—2001).

Обширна территория проживания российских эвенков, и поэтому эвенкийские поэты и писатели представляют разные регионы страны, а их язык имеет диалектные различия. В послевоенный период были лишь эпизодические публика-

ции на эвенкийском языке И. Кириллова, А. Хромова, С. Моноконнова, С. Соловьева, Н. Петрова. Перевод их поэтических произведений был выполнен профессиональными переводчиками Н. Гессен, Л. Хаустовым, А.С. Ольхоном (Пестюхиным, 1903—1950). Но настоящий взлет эвенкийской литературы связывается с именами поэтов А.М. Немтушкина, Д. Апросимова, Н. Оёгира, Н. Калитина, прозаика и фольклориста Г.И. Варламовой (Кэптукэ). Ю.Г. Хазанкович назвала перечисленных авторов ключевыми фигурами эвенкийской литературы, определившими состояние художественного процесса в означенный период времени [36. С. 104]. Переводы с эвенкийского языка стихов Н. Оёгира, А. Немтушкина выполнены на высоком уровне. Известны фамилии и других переводчиков — это А. Федорова, В. Пушкин, М. Борисова, З. Яхнин, А. Щербаков, А. Прицкер, В. Шленский, Л. Румянцев, А. Сорокин.

На следующем этапе формирования корпуса переводных текстов в полный голос заявили о себе чукотские авторы В. Кеулькут (1929—1963), В. Етытегин, М. Вальгиргин (1939—1978), А. Кымытваль (1938—2015), В.М. Тымнетувге (1935—1965), Р. Раггытваль, В.В. Тынескин (1945—1979). На родном языке писали стихи В.И. Иунеут (1935—1993), К.И. Геутваль (1930—2001), В.В. Энмынкау (1930—1992). В настоящее время оригинальная проза на чукотском языке представлена произведениями И. Омрувье, В. Вэкэт (Итевтегиной).

В ряды молодых литераторов в 1960—70 годы вливаются эскимосские авторы. Начало было положено Айвангу (1926—1963). Его рассказы — это первые произведения, написанные на эскимосском языке и переведенные в 1961 году на русский язык. Известность обрели и эскимосские поэты Ю.М. Анко (1930—1960), З.Н. Нелюмкина (1950).

Стихи чукотских и эскимосских поэтов были переведены на русский язык людьми, в разное время проживавшими на Чукотке и знавшими языки и жизнь северян не понаслышке. Эти были известные в этих краях люди — В.В. Португалов (1913—1969), А.И. Черевченко (1942), В.А. Сергеев (1930—1994), Р.Г. Добровенский (1936), В.В. Леонтьев (1928—1988), В.И. Першин (1941—1997), М.П. Легков (1930—1992), А.А. Гажа (1945—2003).

Как же строилась на этом этапе стратегия перевода произведений, написанных на родных языках? Во-первых, следует подчеркнуть, что все упомянутые выше переводчики имели профессиональное литературное и филологическое образование, некоторые из них были профессиональными поэтами и писателями. Они все сотрудничали с тем или иным книжным издательством, а В.И. Першин даже был в течение нескольких лет главным редактором Магаданского книжного издательства. Можно утверждать, что в 1960—1970-е годы сформировался штат профессионалов, специализировавшихся на переводах произведений с языков коренных народов.

Во-вторых, такой процесс перевода имел свои особенности. Дело в том, что переводчики центральных изданий, владея искусством стихосложения или написания прозаических произведений, языками КМНС не владели, им нужен был подстрочник, который бы давал представление о языке автора и о содержании произведения. Работа строилась в тесном сотрудничестве автора и переводчика. Но не всегда переводчик мог в полной мере отобразить замысел автора, о чем в

свое время говорил А.А. Бурькин. Он, например, отзывался о переводах стихов эвенских поэтов, напечатанных в Москве или в Ленинграде, как о новых, не соответствующих заложенному в них автором духу произведениях. Он указывал на то, что если прочитать стихотворный текст в подлиннике и подготовленный автором подстрочник, то полученный в результате работы профессионального поэта стихотворный текст «может удивить» [37. С. 330].

Это происходило по двум причинам. Для того, чтобы перевод текстов, написанных представителями коренных народов, был адекватен оригиналу, нужно было, по крайней мере, вкратце ознакомиться с этническими особенностями культуры, мифологией того народа, чьи стихи или проза переводились на русский язык. Поэт В.С. Кейметинов справедливо отмечал, что работавшие в столичных журналах переводчики не всегда утруждали себя этим, порой не понимая того трепетного отношения к окружающему миру, которое испытывал человек, выросший в гармонической связи с природой и передавший это настроение в своих стихах или прозе. В результате на свет появлялись произведения, где была соблюдена лишь форма, но не передана глубина содержания [38. С. 140—148].

Вторая причина была более серьезной. Не стоит забывать, что в обозначенный период времени все произведения подвергались цензуре и должны были отвечать идеологическим установкам коммунистической партии. Если содержание произведения выходило за эти рамки, не соответствовало официальному взгляду на послереволюционные события, на процесс советского строительства или же не подчеркивало роль партии, то оно переписывалось в соответствии с принятыми правилами. Авторы вынуждены были идти на уступки редакторам и переводчикам, так как понимали, что иначе их произведения никогда не будут изданы.

Больше повезло тем писателям и поэтам, чьи книги выходили в региональных издательствах. Там работала местная интеллигенция, в той или иной мере знакомая и с языками, и с культурой коренных народов, но и эти журналисты и писатели вынуждены были делать переводы с оглядкой на идеологические установки.

В общем и целом на этом этапе создания корпуса переводных текстов с родных языков это был уже не только подстрочный (в работах ученых), но и авторизированный перевод, когда переводчик опирался на авторский подстрочник, согласовывая с автором текст. Автор был включен в процесс перевода, одобряя или отклоняя вносимые переводчиком изменения, необходимые с художественной или идеологической точки зрения. В результате такой работы переводчик выступал уже в роли соавтора, и от его работы во многом зависел успех произведения у широкой публики.

Во времена перестройки, когда писательский труд перестал быть востребованным, закрывались журналы, книжные издательства едва выживали. Молодые литераторы из числа коренных народов не могли опубликовать свои произведения. Литературное творчество стало скорее самодеятельным, чем профессиональным. Книги на родных языках печатались на местах в имеющихся типографиях крайне малыми тиражами. И, к сожалению, они так и оставались в своих регионах, не достигнув широкой публики. С появлением Интернета на его страницах появились редкие литературные объединения для небольшой аудитории, что не могло спасти начинающих поэтов и прозаиков в сложившейся ситуации. До сих

пор отечественная национальная литература не может оправиться от этого потрясения. Публикаций на родных языках по-прежнему мало.

Этот этап создания корпуса переводных текстов уже в новом XXI столетии опять связан с деятельностью ученых. Их изыскания в Дальневосточном регионе не дают угаснуть публикациям на родных языках. В 2010 году по инициативе международной группы исследователей — Э. Кастена, Д. Дальманна, М. Дюрра, Г. Фондаля, Т. де Граафа и др. был создан Фонд культуры народов Сибири¹. В рамках работы фонда особый интерес представляет издаваемая и размещаемая в Интернете серия «Языки и культуры народов Дальнего Востока России». Здесь имеются тексты на ительменском, корякском, эвенском, нанайском языках с переводами на русский язык. Есть книги, где представлен перевод и на английский язык.

Активную работу на Амуре, Сахалине, Камчатке вели и продолжают вести японские ученые. Профессор Дзиро Икэгами создал письменность для уйльта/ороков, собрал корпус фольклорных текстов этого народа, профессор Тосиро Цумагари работал с носителями удэгейского, корякского языков, Синдзиро Кадзама — с носителями нанайского и негидальского языков. Молодые ученые продолжили работу своих учителей. Хидетоши Сираиси, Исудзи Тангику записали нарративы и фольклор нивхов Сахалина и Нижнего Амура. Юкари Нагаяма долгие годы ведет полевую работу среди алюторских коряков (нымыланов). Все исследователи записывали тексты с подстрочным русским переводом, переводя все затем на японский. Благодаря их усилиям существуют аудиозаписи информаторов. У каждого в арсенале составленные словари изучаемых языков. Все материалы опубликованы и имеются в сети Интернет. Ученый из Нидерландов Сесилия Оде (1946—2019) посвятила свою научную деятельность изучению культуры юкагиров. Во время многочисленных экспедиций она собрала и опубликовала фольклор и нарративы народа с переводами на русский язык. Т.Д. Булгакова, преподаватель ИНСа, знаток нанайского языка в содружестве с носителем языка Р.А. Бельды подготовили к печати книгу нанайских сказок с русским переводом. Антрополог Бригитта Пакендорф (Франция) и научный сотрудник КФУ Н.А. Аралова ведут исследования у негидальцев, они опубликовали книгу сказок, записанную от информаторов с. Владимировка на негидальском и русском языках. И в переводах ученых, опирающихся на подстрочный перевод, появились тексты, переведенные коммуникативно-прагматическим способом, при котором, несмотря на специфические особенности культуры аборигенов, заложенный в тексте смысл понятен массовому читателю. В Год языков коренных народов (2019) активизировалась работа по созданию новых учебников, книг для чтения на родных языках. Есть надежда на появление тех, кого привлечет литературное творчество.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить существование трех этапов в создании переводных текстов с родных языков КМНС, в рамках которых основными способами перевода были буквальный или пословный, авторизиро-

¹ Фонд культуры народов Сибири — http://www.siberian-studies.org/publications/lc_R.html

ванный и коммуникативно-прагматический. Тексты переводились как профессионалами-переводчиками и лингвистами, так и этнографами, писателями и поэтами. Однако в заключение хочется сказать следующее. В далеком 1936 году Г.М. Василевич констатировала факт создания учебной литературы, а также публикаций оригинальных художественных произведений на родных языках и в переводах [21. С. V]. Но почти столетие спустя А.А. Бурькин все еще говорил об абсолютной неизученности творчества писателей и литераторов из числа КМНС, которые создавали свои произведения на родных языках [39. С. 10—11]. Тем более остается совершенно без внимания исследователей корпус переводных текстов с родных языков. Нет даже библиографического справочника изданий с такими переводными текстами, вышедших из печати в крупных издательствах, не говоря уже о региональных. Не переведенным и не зафиксированным в каких-либо справочных изданиях остается корпус текстов — стихи, рассказы, публицистика и фольклор из школьных учебников 1930—1950-х годов, из газет, издававшихся на родных языках, из малотиражных региональных изданий, в архиве РАН хранятся рукописи лингвистов с фольклорными текстами на языках КМНС, записанных еще латиницей. Все это ждет своих исследователей.

Книги на языках коренных малочисленных народов в русских переводах являются культурным достоянием России, их изучение поможет открыть новые страницы в переводоведении, так как процесс перевода такой литературы требует не только общекультурных, но и специальных этнологических знаний.

Список литературы

1. *Сорокин Ю.А.* Проблема перевода с психолингвистической точки зрения // Тетради переводчика. М.: Высшая школа, 1984. № 21. С. 14—17.
2. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 2. Д. № 330 а. Протоколы заседаний 2-й Николаевской-на-Амуре окружной конференции ВКП (б) 16 февраля—19 февраля 1927. Л. 50—51.
3. *Осипова М.В.* Научные экспедиции 20—30 гг. прошлого века на территории Хабаровского края и их значение для отечественной и мировой этнографии (историографический аспект) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2011. № 1(29). С. 50—57.
4. Языки и письменность народов Севера / под ред. Я.П. Алькора, Е.А. Крейновича. Ч. III. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.-Л., 1934.
5. *Штернберг Л.Я.* Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Т. 1: Образцы народной словесности. Ч. 1. Эпос (поэмы и сказания, первая половина): тексты с переводом и примечаниями. СПб., 1908.
6. *Богораз В.Г.* Л.Я. Штернберг как фольклорист // Сборник памяти Л.Я. Штернберга. Очерки по истории знаний. Т. VII. Л., 1930.
7. *Богораз В.Г.* Чукчи: материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г. Богоразом. Ч. I. Образцы народной словесности чукоч (тексты с переводом и пересказы) // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. СПб., 1900.
8. *Богораз В.Г.* Материалы для изучения языка азиатских эскимосов. СПб., 1910.
9. *Богораз В.Г.* Материалы по языку азиатских эскимосов / под ред. И.С. Вдовина. Л., 1949.
10. *Иохельсон В.Г.* Юагиры и юагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Ивановой, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005.
11. Ительменские сказки, собранные В.И. Иохельсоном в 1910—1911 гг. / редакторы: К. Халоймова, М. Дюрр, Э. Кастен. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2014. 207 с.

12. *Латышев В.М.* Научное наследие Бронислава Пилсудского в музеях и архивах России // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 1998. № 1. С. 4—20.
13. *Пилсудский Б.О.* Гиляцкие песни старинные // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 1999. № 3. С. 5—11.
14. *Пилсудский Б.О.* Фольклор сахалинских айнов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 2001. № 5. С. 22—58.
15. *Богораз В.Г.* Прежде на Севере // Советский Север. 1930. № 1. С. 59—74.
16. *Вениаминов И.Е.* (Иннокентий) Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. Ч. 1. СПб., 1840.
17. *Маргаритов В.П.* Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888.
18. *Поппе Н.Н.* Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
19. *Протодиаконов П.* Гольдская азбука для обучения гольдских и гиляцких детей: По слуховому способу. Казань, 1884.
20. *Протодиаконов П.* Гольдские песни, былины и сказки // Записки ОИАК. Т. 5. Вып. 1. 1896. С. 1—10.
21. *Василевич Г.М.* Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Вып. 1 / под ред. Я.П. Алькора. Л., 1936.
22. *Цинциус В.И.* Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
23. *Огрызко В.В.* Нивхская литература: Материалы и исследования. М.: Литературная Россия, 2010.
24. *Перехвальская Е.В.* Рукописный архив Е.Н. Баскаковой 1936 г. (тексты на самаргинском диалекте удэгейского языка) // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 88—100.
25. *Чеботаревский А.* Культурные базы Комитета Севера // Советский Север. 1930. № 1. С. 117—124.
26. *Кормушин И.В.* Удыхэйский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998.
27. *Огрызко В.В.* Удэгейская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2009.
28. *Сипин Н.С.* Встречи с отцом. Биографический очерк. Хабаровск, 2008.
29. *Огрызко В.В.* Эвенская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2005.
30. *Тарабукин Н.С.* Кунгарапу: Эвэды тэлэнг. М.-Л.: Детская литература, 1938.
31. *Тарабукин Н.С.* Моя жизнь // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего; На Крайнем Севере. Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай. Якутск, 1987. С. 239—302.
32. Эпос охотских эвенов: в записях Н.П. Ткачика. Якутск: Якутское книжное издательство, 1986.
33. *Огрызко В.В.* Эвенкийская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2006.
34. *Платонов А.* Элэкэсипты май (Первое мая) // Аги урунин (Радость тайги). Л.: Голитиздат, 1938.
35. *Непомнящих Н.А., Полторацкий И.С.* Корякская литература: генезис и поэтика // Сибирский филологический форум. 2019. № 2(6). С. 55—64.
36. *Хазанкович Ю.Г.* Эвенкийская литература: проблемы периодизации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 108. С. 99—109.
37. *Бурькин А.А.* Вчитываясь в подстрочник // Огрызко В.В. Эвенская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2005. С. 327—330.
38. *Кейметинов В.С.* Белые угрюмые хребты // Огрызко В.В. Эвенская литература: материалы исследования. М.: Литературная Россия, 2005. С. 140—148.
39. *Бурькин А.А.* Золотые россыпи в мрачных провалах: судьба литератур, судьба авторов, судьба текстов на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России // «На волоске судьба твоя...»: История и современное состояние литературы на языках малочисленных народов. II междунар. науч.-практ. конф. Отдела нац. лит-ры РНБ. 13—14 ноября 2015 г.: тезисы докладов. СПб., 2015.

References

1. Sorokin, Iu.A. 1984. Problema perevoda s psikholingvisticheskoi tochki zreniia. In *Tetradi perevodchika*. No. 21. Moscow: Vysshiaia shkola publ. Pp. 14–17. Print (In Russ.)
2. GAKhK (Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia) 1927. F. P-2. Op.2. D. № 330 a. Protokoly zasedanii 2-oi Nikolaevskoi-na-Amure okružnoi konferentsii VKP (b) 16 fevralia-19 fevralia. Pp. 50–51. (In Russ.)
3. Osipova, M.V. 2011. “Nauchnye ekspeditsii 20–30 gg. proshlogo veka na territorii Khabarovskogo kraia i ikh znachenie dlia otechestvennoi i mirovoi etnografii (istoriograficheskii aspekt)”. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke* 1(29): 50–57. (In Russ.)
4. Iazyki i pis’mennost’ narodov Severa. 1934. Edited by Ia.P. Al’kor. Part. III. Iazyki i pis’mennost’ paleoaziatskikh narodov. Ed. by E.A. Kreinovicha. Moscow-Leningrad: GUPI publ. (In Russ.)
5. Shternberg, L.Ia. 1908. Materialy po izucheniiu giliatskogo iazyka i fol’klora. Vol. 1: Obraztsy narodnoi slovesnosti. Part 1. Epos (poemy i skazaniia, perviaia polovina): teksty s perevodom i primechaniiami. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk publ. Print (In Russ.)
6. Bogoraz, V.G. 1930. L.Ia. Shternberg kak fol’klorist. In *Sbornik pamiati L.Ia. Shternberga. Ocherki po istorii znaniia*. Vol. VII. Leningrad: AN SSSR publ. Print. Pp. 85–96. (In Russ.)
7. Bogoraz, V.G. 1900. Chukchi. Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol’klora, sobrannye v Kolymskom okruge V.G. Bogorazom. Part I. Obraztsy narodnoi slovesnosti chukoch (teksty s perevodom i pereskazy). *Trudy Iakutskoi ekspeditsii, snariazhennoi na sredstva I.M. Sibiriakova*. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk publ. Print (In Russ.)
8. Bogoraz, V.G. 1910. Materialy dlia izucheniia iazyka aziatskikh eskimosov. Saint Petersburg: Tip. Ministerstva putei soobshchenii publ. 13 p. Print (In Russ.)
9. Bogoraz, V.G. 1949. Materialy po iazyku aziatskikh eskimosov. Ed. by I.S. Vdovina. Leningrad: GUPI MP RSFSR publ. 253 p. Print (In Russ.)
10. Iokhel’son, V.G. 2005. Iukagiry i iukagirizirovannye tungusy 2005. Translated by V.Kh. Ivanova, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka publ. Print (In Russ.)
11. Itel’menskie skazki, sobrannye V.I. Iokhel’sonom v 1910–1911 gg. 2014. Edited by K. Khaloimova, M. Diurr, E. Kasten. F rstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien. 207 p. (In Itel’men and Russ.)
12. Latyshev, V.M. 1998. “Nauchnoe nasledie Bronislava Pilsudskogo v muzeiakh i arkhivakh Rossii”. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo* 1: 4–20. (In Russ.)
13. Pilsudskii, B.O. 1999. “Giliatskie pesni starinnye”. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo* 3: 5–11. (In Russ.)
14. Pilsudskii, B.O. 2001. “Fol’klor sakhalinskikh ainov”. *Izvestiia Instituta nasledii Bronislava Pilsudskogo* 5: 22–58. (In Russ.)
15. Bogoraz, V.G. 1930. “Prezhde na Severe”. *Sovetskii Sever* 1: 59–74. (In Russ.)
16. Veniaminov, I.E. 1840. Zapiski ob ostrovakh Unalashkinskogo otdela, sostavlennye I. Veniaminovym. Part 1. Saint Peterburg: Tipografiia .Imperatorskoi Akademii nauk publ. Print. (In Russ.)
17. Margaritov, V.P. 1888. Ob orochakh Imperatorskoi gavani. Saint Petersburg: OIAK v.g. Vladivostoke publ. Print. (In Russ.)
18. Poppe, N.N. 1927. Materialy dlia issledovaniia tungusskogo iazyka. Narechie barguzinskikh tungusov. Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR publ. Print. (In Russ.)
19. Protodiakonov, P. 1884. Gol’dskaia azbuka dlia obucheniia gol’dskikh i giliakskikh detei: Po slukhovomu sposobu. Kazan’: Pravoslavnoe missionerskoe ob-vo publ. Print. (In Nanaï and Russ.)
20. Protodiakonov, P. 1896. “Gol’dskie pesni, byliny i skazki”. *Zapiski OIAK* 5 (1): 1–10. (In Russ.)
21. Vasilevich, G.M. 1936. Materialy po evenkiiskomu (tungusskomu) fol’kloru. Issue 1. Edited by Ia.P. Al’kor. Leningrad: NIA INS publ. Print. (In Evenk and Russ.)
22. Tsintsius, V.I. 1982. Negidal’skii iazyk. Issledovaniia i materialy. Leningrad: Nauka publ. Print. (In Negidal and Russ.)
23. Ogryzko, V.V. 2010. Nivkhskaia literatura: Materialy i issledovaniia. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Print. (In Russ.)

24. Perekhval'skaia, E.V. 2012. "Rukopisnyi arkhiv E.N. Baskakovoi 1936 g. (teksty na samarginskoi dialekte udegeiskogo iazyka)". *Voprosy iazykoznanii* 5: 88—100. (In Russ.)
25. Chebotarevskii, A. 1930. "Kul'turnye bazy Komiteta Severa". *Sovetskii Sever* 1: 117—124. (In Russ.)
26. Kormushin, I.V. 1998. *Udykheiskii (udegeiskii) iazyk*. Moscow: Nauka publ. 320 p. Print. (In Russ.)
27. Ogryzko, V.V. 2009. *Udegeiskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Print. (In Russ.)
28. Sipin, N.S. 2008. *Vstrechi s ottsom. Biograficheskii ocherk*. Khabarovsk: OOO Ekspress Poligrafia' publ. Print. (In Russ.)
29. Ogryzko, V.V. 2005. *Evenskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Print. (In Russ.)
30. Tarabukin, N.S. 1938. *Kungarapu: Evedy teleng*. Moscow-Leningrad: Detskaia literature publ. Print. (In Even)
31. Tarabukin, N.S. 1987. *Moia zhizn'*. In *Teki Odulok. Zhizn' Imteurgina-starshego; Na Krainem Severe*. Tarabukin N. *Moia zhizn'*. Kimonko D. Tam, gde bezhit Sukpai. Iakutsk: Knizhnoye izdatel'stvo publ. Pp. 239—302. Print. (In Russ.)
32. *Epos okhotskikh evenov: v zapisiakh N.P. Tkachika*. 1986. Iakutsk: Iakutskoe knizhnoye izdatel'stvo publ. Print. (In Even and Russ.)
33. Ogryzko, V.V. 2006. *Evenkiiskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Print. (In Russ.)
34. Platonov, A. 1938. *Elekesipty mai (Pervoe maia)*. In *Agi urunin (Radost' taigi)*. Leningrad: Golitizdat publ. Print. (In Evenk and Russ.)
35. Nepomniashchikh, N.A., Poltoratskii, I.S. 2019. "Koriakskaa literatura: genesis i poetika". *Sibirskii filologicheskii forum* 2(6): 55—64. (In Russ.)
36. Khazankovich, Iu.G. 2009. "Evenkiiskaia literatura: problemy periodizatsii". *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* 108: 99—109. (In Russ.)
37. Burykin, A.A. 2005. *Vchityvaias' v podstrochnik*. In Ogryzko V.V. *Evenskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Pp. 327—330. Print. (In Russ.)
38. Keimetinov, V.S. 2005. *Belye ugriumiye khrebt'y*. In Ogryzko V.V. *Evenskaia literatura: Materialy issledovaniia*. Moscow: Literaturnaia Rossiia publ. Pp. 140—148. Print. (In Russ.)
39. Burykin, A.A. 2015. "Zolotyie rossypi v mrachnykh provalakh: sud'ba literatur, sud'ba avtorov, sud'ba tekstov na iazykakh korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii". In "Na voloske sud'ba tvoia...": *Istoriia i sovremennoe sostoianie literatury na iazykakh malochislennykh narodov*. 2-nd International Scientific Conference Proceedings. Saint Petersburg, Nov., 13—14, 2015. Saint Petersburg: RNB publ. Pp. 10—11. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Осипова Марина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела Сибири Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). E-mail: ainu07@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-9486-1861

Bio Note:

Marina V. Osipova is a PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher of the Siberia Department of the Museum of the Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera). E-mail: ainu07@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-9486-1861